

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ

Большие города и духовная жизнь

Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремлений индивидуума охранить свою самостоятельность и самобытность от насилия со стороны общества, исторической традиции, внешней культуры и техники жизни. Это — последняя из выпавших на нашу долю форм борьбы с природой, борьбы, которую первобытный человек ведет за свое физическое существование. Сколько бы XVIII столетие ни призывало к освобождению от всех исторически сложившихся пут в области государства и религии, морали и хозяйственной жизни, для того, чтобы дать беспрепятственно развиваться людской природе, признанной для всех людей равной и по существу благой; сколько бы XIX век ни требовал, наряду с чистой свободой, обусловленной разделением труда, специализации человека, специализации, которая делает отдельного человека до известной степени необходимым и незаменимым, но вместе с тем и более зависимым от дополнения его другими людьми; сколько бы ни говорил Ницше о самой беспощадной борьбе между личностями, а социализм, наоборот, — о полном устранении всякой конкуренции, как об условии полного развития индивидуума — во всем этом слышится один основной мотив: возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом. Всюду, где идет речь о внутреннем содержании результатов специфической современной жизни, где, так сказать, тело культуры спрашивают о своей душе, — каковой вопрос нас сейчас занимает по отношению к большим городам, — всюду ответ нужно искать в том уравнении, которое составляется между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни, — в приспособляемости личности, благодаря которой он уживается с внешними силами.

Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, — это *повышенная нервность жизни*, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений.

Познавательная способность человека основана на восприятии различий, т. е. его сознание возбуждается восприятием разницы между переживаемым впечатлением и непосредственно предшествовавшим. Устойчивые впечатления, протекающие с небольшими разницеми, привычным образом и равномерно и представляющие одни и те же противоположности, требуют, так сказать, меньшей затраты сознания, чем калейдоскоп быстро меняющихся картин, резкие границы в пределах одного ментального впечатления, неожиданно сбегающиеся ощущения. Большой город создает именно такие психологические условия своей уличной сутолокой, быстрым темпом и многообразием хозяйственной, профессиональной и общественной жизни. И тот глубокий контраст, который существует между жизнью большого города и жизнью маленького города или деревни, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни, этот глубокий контраст вносится в наши органы чувств, — этот фундамент нашей душевной жизни, — и в то количество сознания, затраты которого требует от нас, как от существ, познающих лишь на основании различий, большой город.

Это и делает понятным преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах сравнительно с малыми городами, где больше требуется проявлений души и отношений, основанных на чувстве. Последние коренятся в менее доступных сознанию душевных сферах и вырастают скорее всего в спокойной атмосфере равновесия неизменных привычек, в то время как место рассудка — в прозрачных, сознательных, высших сферах нашей души; рассудок и есть самая гибкая из наших внутренних сил; он не нуждается в потрясениях и внутренней встряске, чтобы разобраться в смене и противоположности явлений, в то время как консервативное чувство только благодаря таким встряскам и потрясениям и может идти в ногу с ритмом внешних явлений. Этим типичный житель большого города — тип этот представляет, конечно, тысячи модификаций, — создает себе средство самозащиты против угрожающих его существованию течений и противоречий внешней среды: он реагирует на них не чувством, а преимущественно умом, которому развившееся сознание доставило гегемонию в душевной жизни. Реагирование на явления отведено благодаря этому в наименее чувствительный психический орган, который очень далеко отстоит от глубин человеческого характера. Эта рассудочность, признаваемая своего рода охраной субъективной жизни от насилия большого города, разветвляется на отдельные явления, которые в свою очередь иногда снова сплетаются. Большие города были издавна центрами денежного хозяйства, так как разнообразие и сосредоточение в них обмена придало орудию обмена такое важное значение, какого оно едва ли достигло бы в деревне при скудости ее обменных отношений. Но денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собою. Им обоим свойственно конкретное деловое отноше-

ние к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью. Чисто рассудочный человек равнодушен ко всему, что по существу индивидуально, так как индивидуальное может вызвать такое отношение и реагирование, которое не исчерпывается одной логикой; точно также принцип денег устраняет всякую индивидуальность явлений. Деньги спрашивают только о том, что является общим для всех соответственных явлений, а именно о меновой ценности, которая нивелирует всякое качество и всякую оригинальность под единственный критерий количества. Все душевные отношения между людьми основаны на их индивидуальности, тогда как рассудочные отношения считаются с людьми как с цифрами, как с элементами, по существу совершенно безразличными, ценными лишь по их объективным поддающимся точному взвешиванию трудам. Так точно и житель большого города считается со своими поставщиками и покупателями, со своей прислугой и очень нередко с людьми своего общества. Совершенно противоположен характер людских отношений в маленьких кругах; здесь обязательное знание индивидуальностей неизбежно делает отношения более проникнутыми чувством, отвлекает до известной степени от чисто объективной оценки людей по тому, что от них можно получить и чего они требуют в возмездие за свои услуги. В области психологии хозяйственной жизни существенным в этих кругах является то, что товар производится для покупателя, которым он заказан, так что производитель и покупатель знают друг друга; наоборот, большой город настоящего времени живет почти исключительно производством для рынка, т. е. для совершенно неизвестных, самим производителем никогда не виденных покупателей. Вследствие этого интересы обеих сторон становятся до беспощадности деловыми, и их рассудочный хозяйственный эгоизм не может быть смягчен действием личных отношений. И это очевидно стоит в такой тесной связи с денежным хозяйством, — которое господствует в больших городах, подавляя в них последние остатки производства для собственного потребления и непосредственного обмена и уменьшая в них с каждым днем работу для определенного круга покупателей, — что невозможно теперь сказать, какой из этих факторов был первичным и какой вторичным: повлияло ли духовное интеллектуальное настроение большого города на распространение денежного хозяйства, или, наоборот, последнее было определяющим фактором для первого. Несомненно лишь то, что уклад жизни больших городов был почвой, вскормившей взаимодействие между этими двумя факторами. Следующее выражение величайшего из английских историков духовной культуры дополнит мою мысль: «Во все течение английской истории Лондон никогда не был сердцем Англии, он часто был ее мозгом и всегда — денежной кассой!»

В одном, по-видимому, незначительном явлении на поверхности жизни соединились чрезвычайно характерно те же самые душевные наклон-

ности. Дух современности все более и более проникается математикой. Идеалу естествознания, — превратить мир в арифметическую задачу, уложить каждую часть его в математическую формулу, — соответствует математическая точность практической жизни, вытекающая из денежного хозяйства; это оно так заполнило день такого множества людей взвешиванием, сосчитыванием, числовыми определениями, переводом качественных ценностей на количественные. Этот арифметический характер денег внес в отношение между элементами жизни определенность, точность в определении равноценностей и различий, безусловность договоров и условий; как на внешнее изменение, благодаря этому арифметическому характеру, следует и указать на всеобщее распространение часов. Но причиной и результатом этой черты нашей жизни послужили условия, сложившиеся в большом городе.

Обстоятельства и жизнь жителя большого города бывают обыкновенно чрезвычайно разнообразны и сложны, и, что особенно важно, благодаря скоплению такой массы людей со столь дифференцированными интересами, их жизнь и деятельность слагается в такой многочисленный организм, что без самой пунктуальной точности договоров и выполнения их все обратилось бы в полнейший хаос. Если бы все часы в Берлине внезапно стали неверно или разно показывать время, хотя бы в продолжение одного часа, то вся хозяйственная и прочая жизнь этого города была надолго бы расстроена. К этому прибавляется еще один, с виду еще более внешний, фактор — большие расстояния, благодаря которым напрасные ожидания и запоздалые посещения приводят к ничем не возмещаемой потере времени. Таким образом, техника жизни больших городов вообще немислима без самого точного распределения всякой деятельности и всех взаимоотношений по установленной схеме времени, лежащей вне субъекта. Но и здесь выступает то обстоятельство (составляющее в сущности задачу настоящего исследования), что из каждого пункта на поверхности жизни можно опустить лот в самые глубины души, что все самые банальные внешности связаны в последнем счете с конечным решением вопроса о смысле и стиле жизни. Пунктуальность, рассчитанность, точность, к которым принуждает жизнь большого города, ее сложность и пространственность не только стоят в теснейшей связи с его денежно-хозяйственным и интеллектуалистическим характером, но должны также окрашивать и внутреннее содержание жизни и содействовать уничтожению тех иррациональных, инстинктивных самовластных свойств и импульсов, которые имеют склонность самостоятельно определять формы жизни вместо того, чтобы брать ее извне в виде готовой схемы. И хотя характеризуемые ими самодовлеющие существования отнюдь не представляют чего-то невозможного в городе, все же они находятся в прямой противоположности к его типичным существованиям, и это объясняет страстную ненависть, питаемую к большому городу такими на-

турами, как Рескин и Ницше, — натурами, для которых ценность жизни заключается именно в несхематическом, своеобразном, не поддающемся равному для всех определению, натурами, у которых из того же источника, из которого вытекает эта ненависть, рождается также ненависть к денежному хозяйству и к интеллектуализму в жизни.

Те же факторы, которые точностью и минутной пунктуальностью привели к совершенно безличной формации, влияют, с другой стороны, на крайнее развитие ее индивидуальности. Нет, быть может, другого такого явления душевной жизни, которое было бы так безусловно свойственно большому городу, как бесчувственное равнодушие. Оно является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно стекающихся раздражений нервов, которые, по нашему мнению, приводят в больших городах к развитию интеллектуальности; вследствие этого как раз глупые и духовно неподвижные люди обыкновенно и не бывают блазированы. Подобно тому, как неумеренные наслаждения вызывают в человеке атрофию чувств, так как они до тех пор вызывают сильнейшие реакции со стороны нервной системы, пока она не перестает, наконец, реагировать окончательно, — подобно этому и более скудные впечатления требуют от нервной системы, благодаря скорости и противоположности своей смены, настолько сильного реагирования, так стремительно треплют ее, что она должна отдать на это последний запас сил и не имеет возможности, оставаясь в той же среде, собрать новые. Возникающая таким образом неспособность реагировать на новые раздражения со свойственной нервам энергией и есть та разочарованность, которую обнаруживает, собственно говоря, каждый ребенок в большом городе при сравнении с детьми более спокойной и менее разнообразной среды.

К этому физиологическому источнику блазированнойности большого города присоединяется и другой, заключающийся в денежном хозяйстве. Сущность блазированнойности есть притупленность восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, как это бывает с тупоумными людьми, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными. Они представляются человеку с притупленными чувствами однообразно тусклыми и сырыми, ничего не стоящими, недостойными никакого предпочтения перед другими. Такое душевное состояние есть настоящее субъективное отражение всепроницающего денежного хозяйства. Однообразно оценивая все разновидности вещей, выражая качественные различия между ними одним критерием количества, становясь бесцветной и безразлично общей мерой для всех ценностей, деньги становятся также самым страшным нивелирующим фактором. Деньги решительно отбрасывают ядро вещей, их своеобразность, их специфическую ценность, их несравнимые особенности. В вечно движущемся денежном потоке все вещи и ценности плавают с равным удельным весом, все они находятся на

одной плоскости и отличаются лишь величиной занятого на последней пространства. В отдельных случаях эта окраска, или, вернее, обесцвечивание вещей их денежным эквивалентом может быть незаметно малое; но то отношение, которое обнаруживает современный богач к приобретенным им за деньги предметам, является обыкновенно характерным для отношения всего общества к этим предметам. Поэтому большие города, центры денежного хозяйства, где продажность вещей гораздо больше, чем в небольших местностях, стали типичными местами блазириванности. В них достигается, относительно, высшей степени результат того скопления людей и предметов, которое возбуждает индивида к величайшей затрате нервных сил. Но чисто количественное увеличение подобных условий приводит к прямо противоположному результату: к тому своеобразному приспособлению блазириванности, при котором нервы находят последнюю возможность примирения с содержанием и формой жизни больших городов, в том, что они окончательно отказываются реагировать на них. Это самоохранение известных натур, покупаемое ценою обесценивания всего объективного мира, под конец неизбежно приводит к чувству такого же обесценивания и собственной личности.

В то время как для такого существования субъекту приходится считаться лишь с собою самим, для его самоохранения требуется с его стороны не менее отрицательного поведения в его социальных отношениях к большому городу. Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, — если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным. Отчасти это психологическое обстоятельство, отчасти право на недоверие, которое мы питаем к быстро проходящим мимо нас, едва задевая наше внимание, элементам жизни большого города, вынуждают нас к той замкнутости, вследствие которой мы часто не знаем даже с виду своих многолетних соседей, замкнутости, которая нередко заставляет жителя маленького города считать нас холодными и бесчувственными. И действительно, если я не ошибаюсь, в глубине этой внешней замкнутости лежит не только безразличие, но и, — гораздо чаще, чем мы это сознаем, — некоторое отвращение, взаимная отчужденность и отдаленность, которые при первом более близком соприкосновении тотчас переходят в ненависть и борьбу. Весь внутренний строй таких людских отношений состоит из чрезвычайно различных ступеней симпатии, безразличия и отвращения самого краткого или самого длительного характера. Область безразличия при этом вовсе не так обширна, как это на первый взгляд кажется; деятельность нашей души отвечает более или ме-

нее определенным ощущениям на каждое почти впечатление, получаемое от другого человека, и только несознанность, скоротечность и быстрая смена этих ощущений приводит к видимому безразличию. В действительности последнее было бы нам также несвойственно, как невыносимо было бы расплывчатое постоянное обоюдное непроизвольное внушение. От обоих этих опасностей большого города нас охраняет антипатия, первичная стадия еще скрытого антагонизма практической жизни; она помогает создаться расстоянию между людьми и удалению их друг от друга, без чего жизнь в таких городах была бы невозможна; ее степень и ее разновидности, ритм ее зарождения и исчезновения, формы, которыми она удовлетворяется — все это создает вместе с связующими, в тесном смысле, мотивами нераздельное целое жизни большого города: то, что в последней сначала кажется разрушающим всякую общественность элементом, есть лишь один из самых элементарных факторов социального развития.

Но эта замкнутость с господствующим в ней скрытым отвращением есть опять-таки лишь форма или внешность гораздо более всеобщей духовной сущности большого города. Дело в том, что он доставляет индивиду такую личную свободу и в таких больших размахах, что к этому нельзя привести никакой аналогии из другой области. Это может быть вообще сведено к одной из весьма типичных тенденций развития общественной жизни, к одной из немногих тенденций, для которых можно найти приблизительно общую формулу. Первейшая стадия социальных образований, как указываемых историей, так и современных, следующая: относительно небольшой круг, резко ограничившийся от соседних, чужих или враждебных кругов, но зато теснее сомкнувшийся в самом себе; он представляет каждому отдельному члену только ограниченное поле для развития своих личных качеств и для свободной, под собственной ответственностью, деятельности. Таково начало политических и семейных групп, партий, религиозных общин; самосохранение очень юных обществ требует строгого ограничения и центростремительного единства и не может потому разрешить индивиду свободу и своеобразность внутреннего и внешнего развития. От этой стадии социальная эволюция расходится одновременно в две различные, хотя и соответствующие друг другу, стороны. Постольку, поскольку группа растет, — численно, пространством, значением и жизненным содержанием, — постольку ослабевает ее непосредственное внутреннее единство, и резкость первоначального ограничения себя от других смягчается взаимными отношениями и связями; одновременно с этим индивид получает свободу деятельности в гораздо большей степени, чем ее давала первоначальная ревнивая замкнутость, и становится своеобразным и исключительным, к чему дает основание и что делает необходимым разделение труда в разросшейся группе. По этой формуле шло развитие государства и христианства, цехов и политических партий и бесчисленного множества разных других групп, хотя,

конечно, особенная сила и условия значительно модифицировали общую схему. Но мне кажется, что ее можно заметить и в развитии индивидуальности в пределах городской жизни. Маленький город как древности, так и средних веков клал личности пределы, — ее передвижению и внешним сношениям, ее самостоятельности и внутренней дифференциации, — пределы, в которых современный человек задохнулся бы: житель большого города, переселившийся в маленький, и сейчас еще чувствует стеснение. Чем меньше такой круг, составляющий нашу среду, чем теснее пределы отношений к другим, тем больше следит он за поведением, жизнью, мыслями индивида, тем скорее количественная или качественная своеобразность разрушила бы рамки целого. В этом отношении античный полис имел, по-видимому, вполне характер маленького города. Постоянная опасность со стороны врагов, ближних и дальних, вызвала тесное политическое и военное единение, надзор гражданина за гражданином, ревнивое отношение целого к личности, частная жизнь которой была совершенно подавлена и возмещалась ему, в лучшем случае, деспотизмом в собственном доме. Чрезвычайная подвижность и беспокойность, которая только и придавала своеобразные красочные переливы афинской жизни, объясняется, быть может, тем, что народ, состоящий из резко очерченных индивидуальностей, постоянно боролся против постоянного внешнего и внутреннего давления со стороны обезличивающего маленького города. Это вызывало всегда напряженную атмосферу, в которой слабейшие подавлялись, а сильные вызывались к страстной борьбе за самосохранение. Именно благодаря этому достигло расцвета в Афинах то, что следует, за неимением более точного выражения, назвать «общечеловеческим» в нашем духовном развитии. Ибо это и есть та связь, которую мы признаем действительным и историческим фактом: самые обширные и самые общие содержания и формы жизни теснейшим образом связаны с наиболее индивидуальным; и те и другие имеют свою общую первичную стадию развития и своего общего антагониста в тесных союзах и группах, которые из чувства самосохранения защищаются от более широкого и всеобщего вне и от свободной деятельности и индивидуальности внутри. Подобно тому, как в пору феодализма «свободным» считался тот, кто подчинялся общегражданскому праву, т. е. праву больших социальных групп, а несвободным — тот, чьим правом были исключительно законы узкой феодальной группы, — подобно этому и сейчас житель большого города «свободен» (в духовном, утонченном смысле) сравнительно с мелочностью и предрассудками, связывающими жителя маленького города. В самом деле, независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия, составляющих условия духовной жизни наших широких кругов, нигде не чувствуется так сильно, как в тесной сутолоке больших городов, потому что физическая близость и скученность только подчеркивают духовную отдаленность. Ведь это, очевидно, только обо-

ротная сторона той же свободы, что при этом нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как именно среди общей давки больших городов. Здесь, как и вообще, отнюдь не необходимо, чтобы свобода человека отражалась в его душевной жизни ощущением благополучия. Если, как мы выяснили, большой город можно считать средоточием индивидуальной и социальной свободы, являющейся результатом всемирно-исторического процесса взаимодействия между расширением территории и ростом потребности в личной свободе, то это зависит не от одних только непосредственных наглядных признаков большого города, не от одной только обширности территории и не от одного только огромного числа его жителей; этому в значительной степени способствовало также то обстоятельство, что большие города постоянно были средоточием космополитизма. Рост богатства, которое, как известно, достигши известной высоты, начинает увеличиваться как бы само собой чрезвычайно быстрым темпом, может служить примером для роста кругозора хозяйственных, личных и духовных отношений в большом городе, для роста его духовного округа: все это за известными пределами растет в геометрической прогрессии. Всякое достигнутое им в его развитии расширение служит основанием для дальнейшего, не одинакового, но более значительного расширения; к каждой нити, выпрявленной из процесса его развития, прирастают как бы сами собой новые нити, точь в точь как поземельная рента в городе растет сама собой от одного лишь развития обмена и сообщения. Тут именно количественность жизни непосредственно переходит в качественность, в характер. Сфера жизни маленького города обыкновенно замкнута в себе и ограничена собой. Для большого же города решающим является то обстоятельство, что его внутренняя жизнь волнообразно широко распространяется по государству и вне его. Пример города Веймара не противоречит этому: значение этого города было связано с проживанием в нем отдельных личностей, и оно исчезло вместе с ними; большой же город характеризуется полной независимостью даже от самых значительных отдельных личностей, — обратная сторона и оплата той независимости, которой пользуется в нем личность. Самое существенное значение большого города заключается в его функциональном значении за пределами его физических границ, и это его влияние отдается обратно и делает жизнь большого города значительной, важной и ответственной. Как человек не исчерпан пределами его тела или области, которую он непосредственно заполняет своей деятельностью, но лишь суммой влияния, которое он оказывает во времени и в пространстве, — так и город равен совокупности оказанного им за его ближайшими пределами влияния. Это только и есть его настоящий объем, в котором выражается его бытие. Это служит уже указанием на то, что индивидуальная свобода, являющаяся логическим и историческим дополнением громадного объема индивидуального бытия должна быть понята не только отрицательно, в смысле одной толь-

ко свободы деятельности и отказа от предрассудков и филистерства; для нее существенно то, что самобытность и оригинальность, которая в конце концов свойственна так или иначе всякому, могла выразиться в условиях данной жизни. Что мы следуем законам собственной природы, — а это ведь и есть свобода, — это станет для нас и других вполне ясным и убедительным только тогда, когда и внешнее проявление этой природы будет отличаться от внешнего проявления природы других; одно то, что нас нельзя смешать ни с кем другим, доказывает, что формы нашего существования не навязаны нам никем другим. Города — прежде всего центры наибольшего развития разделения труда; в этом они порождают такие крайности, как доходную профессию «четырнадцатого» в Париже: это лица, которые в обеденное время готовы явиться в соответственном платье всюду, где за обедом собралось тринадцать человек; их можно разыскать по вывеске над их дверью. Соответственно увеличению своих размеров, город представляет все больше условий для разделения труда: он создает круг, который вследствие своих размеров способен вместить огромную массу самого разнообразного труда, тогда как одновременное скопление людей и их борьба за покупателя вынуждают отдельную личность к специализации труда, при которой она труднее может быть вытеснена другой. Решающим здесь является то, что городская жизнь превратила борьбу с природой за пропитание в борьбу за человека, что выгода, за которую борются, получается не от природы, а от человека. Ибо тут дело не сводится к одной только что указанной специализации, но к чему-то более глубокому: продавец должен всегда стремиться вызвать в клиентах новые и особенные потребности. Необходимость специализировать работу, чтобы найти еще неисчерпанный источник дохода, не легко замещаемый труд, влияет на дифференциацию, утонченность, большее богатство потребностей публики, что, с своей стороны, должно в ее среде привести к очевидному увеличению личных особенностей.

А это ведет к духовной, в тесном смысле слова, индивидуализации душевных качеств, и в этом направлении влияет, соответственно своим размерам, и город. Можно назвать тут же целый ряд факторов. Прежде всего — трудность приобрести значение при огромном масштабе жизни больших городов. Когда количественное увеличение его значения и его энергии доведены до высшего предела, — тогда начинают обращаться к качественным особенностям, чтобы таким образом путем возбуждения впечатлений разницы, привлечь как-нибудь на свою сторону внимание социального круга; в конце концов это приводит к умышленным чудачествам, к специфическим для большого города экстравагантностям, самообособлению, капризам, претенциозности, смысл чего заключается уже не в содержании того или другого поведения, а только в его форме: в том, чтобы быть непохожим на других, чтобы выдвинуться и тем стать заметным. Для многих это, впрочем, единственное средство, благодаря внима-

нию других, самому начать ценить себя и сознавать, что занимаешь некоторое место. В этом смысле оказывает влияние один незаметный, но в сумме своего действия заметно проявляющийся момент: краткость и редкость встреч друг с другом сравнительно со сношениями в маленьких городах. Это обстоятельство вызывает старание выказать себя резче, полнее, возможно характернее, в гораздо большей степени, чем там, где ясное представление о личности дают уже частые и долгие встречи.

Самой глубокой, однако, причиной влияния именно больших городов на наибольшую индивидуализацию личности — безразлично, всегда ли это по праву и всегда ли с успехом — кажется мне следующее. Развитие современной культуры характеризуется перевесом того, что можно было бы назвать объективным духом, над духом субъективным; это значит: в языке и праве, в технике и искусстве, в науке и предметах домашнего обихода заключен дух, за ежедневным ростом которого субъект поспевает далеко не вполне, а часто отстает от него. Если мы обратим внимание хотя бы на огромную культуру, воплотившуюся за 100 последних лет, в предметах и в познании, в институтах и комфорте, и сравним ее с культурными успехами, сделанными в тот же промежуток времени индивидами, — хотя бы только высшего порядка, — разница между ростом того и другого окажется ужасающей; в некоторых пунктах можно будет отметить даже регресс культуры у индивидов: в духовном отношении, относительно утонченности (*Zartheit*), идеализма. Такая разница является главным образом результатом увеличивающегося разделения труда, потому что последнее требует от личности все более односторонней работы, что при высшем своем развитии очень часто убивает личность как целое. Во всяком случае личность отстает все дальше и дальше от преобладающей объективной культуры. На практике и в неясном чувствовании индивид, быть может, сильнее, чем им это сознается, низведен до *quantite negligeable*, стал пылинкой перед огромной организацией предметов и сил, которые постепенно выманивают из его рук весь прогресс, все духовные и материальные ценности. Переводят их из формы субъективной жизни в чисто объективную. Нужно еще только указать на то, что большие города являются главной ареной этой, перерастающей все личное, культуры. Здесь в зданиях и учебных заведениях, в чудесах и комфорте техники, в формах общественной жизни и внешних государственных институтах сказывается такая подавляющая масса кристаллизованного, обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна. Жизнь для нее становится с одной стороны бесконечно легкой, так как ей со всех сторон напрашиваются возбуждения и интересы, все для заполнения времени и мыслей, и это постоянно держит ее точно в потоке, где пловцу едва нужно делать кое-какие движения. Но, с другой стороны, жизнь индивида слагается ведь все более и более из такого безличного содержания и материала, которые стремятся подавить специфически-личную окраску и оригинальность; так что,

для того, чтобы это личное спаслось, необходимы величайшая своеобразность и особенность. Они должны быть даже преувеличенными для того, чтобы могли быть услышаны. Атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии объективной, составляет причину той страшной ненависти, которую питали к большому городу проповедники крайнего индивидуализма, главным образом, Ницше; но это была также причина того, почему последние так страстно любимы именно в больших городах, почему именно жителю большого города они кажутся вестниками и освободителями его неудовлетворенной тоски.

Если обратиться к вопросу об историческом месте обеих этих форм индивидуализма, которые создались из количественных отношений большого города: индивидуальной независимости и выработки личных особенностей, — то обнаружится совершенно новое значение большого города в общей истории духовного развития. Восемнадцатый век застал человека насильно связанным потерявшими всякий смысл цепями политического, аграрного, сословного и религиозного характера, — стеснениями, навязанными индивиду неестественные условия и давно ставшие несправедливостью формы неравенства. Среди этого положения раздался призыв к свободе и равенству, — выражение веры в полную свободу деятельности индивида в области социальных и духовных отношений. Она должна была немедленно проявить общие всем благородные задатки, которые такими были заложены в каждом человеке природой и только извращены обществом и историей. Рядом с этим идеалом либерализма, в XIX веке вырос другой, под влиянием, отчасти, Гете и романтики, отчасти под влиянием экономического разделения труда освобожденные от исторических цепей индивиды захотели теперь отличаться друг от друга. Уже не «общечеловеческое» в личности, а, наоборот, ее качественные особенности и своеобразность определяют теперь ее значение. В борьбе между этими двумя родами определения роли субъекта в обществе и проходит вся внешняя и внутренняя история нашего времени. Давать место для спора и попыток к слиянию обоих есть функция большого города, так как его своеобразные условия дают, как мы нашли, возможность и повод для развития обоих. Они приобретают этим совершенно особенное, чрезвычайно значительное положение в ходе развития душевной жизни, они становятся одними из тех крупных исторических образований, в которых на равных правах соединялись и развивались противоположные, объемлющие жизнь, течения. Но этим, — все равно, относимся ли мы с симпатией или антипатией к отдельным явлениям этого рода, — большой город выходит из той сферы, по отношению к которой мы обладаем правами судьи. Так как это право с начала до конца принадлежит истории, клеточку которой мы в преходящем бытии составляем, то наша задача не обвинять и не оправдывать, но понимать.